

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-2-136-160

Научная статья

Эмиграция евреев из Советского Союза в 1960–1970-е гг. на страницах американской прессы

А.В. Антошин

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620003, Россия, Екатеринбург, пр. Мира, 19

Д.Л. Стровский

Ариэльский университет
40700, Израиль, Ариэль, Кирьят Хамада, 1

Цель исследования: анализ особенностей советской эмиграции и репатриации¹ периода 1960–1970-х гг., когда впервые после длительного исторического перерыва и в результате политических договоренностей между СССР и США сотни тысяч советских евреев получили возможность навсегда покинуть Советский Союз и поселиться в США и Израиле. Авторское внимание сосредоточено главным образом на особенностях освещения этих вопросов в ведущих американских печатных СМИ.

Выводы: обращение к медиа как основному эмпирическому источнику данного исследования позволяет увидеть особенности политического «лица» американской прессы того времени. Данное исследование позволяет расширить традиционные рамки познания эмиграции на фоне ее общеисторического и культурного развития в XX в.

Ключевые слова: эмиграция, советская культура, «отказники», американские печатные СМИ, политизация массовой информации

© Антошин А.В., Стровский Д.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Мы используем эти слова, с одной стороны, как синонимы, идентифицирующие отъезд советских евреев за рубеж. С другой стороны, между этими понятиями присутствует существенная смысловая разница. Эмиграция определяется самим фактом отъезда, независимо от того, какую страну выбирает тот или иной человек местом своего дальнейшего проживания. Репатриация для евреев знаменует собой приезд в Израиль, на свою историческую родину, где изначально, несколько тысячелетий назад, формировались иудейская культура и религия, и откуда впоследствии, под воздействием различных обстоятельств, эти люди начали расселяться по всему миру.

Введение

Российская диаспора за рубежом во все времена позиционировала себя как мощный и уникальный в своем развитии духовный феномен, сформированный на основе унаследования ценностных ориентиров своей культуры. «Мы не в изгнании, мы в послании», – подчеркивали деятели культуры эмиграции, указывая, что одной из основополагающих и универсальных задач отечественной эмиграции является сохранение своей идентичности в условиях переплетения новых культур.

При всей духовной значимости этого суждения нельзя не признать его определенную идеалистичность. Эмиграция всегда объединяет людей, различающихся по своим культурным и морально-нравственным приоритетам. Возникающая ситуация не позволяет этим людям стать носителями единых этических ценностей, создающих в их сознании общее восприятие мира. Российская диаспора в этом смысле не стала исключением из общих правил. Более того, те многочисленные «волны», которые она прошла, начиная еще с XIX в., позволяют говорить о ней как о чрезвычайно объемном и многофакторном понятии, вместившим в себя разнообразие духовных и политических интересов, зачастую никак не объединенных между собой. Это всегда создавало и создает по сей день сложности познания самой диаспоры как общественно-политического явления на всех этапах развития отечественной истории.

Данное суждение подтверждается примером диаспоры, сформированной в 1960–1970-е гг. из людей, уехавших из Советского Союза и поселившихся преимущественно в США и Израиле. Процесс эмиграции и репатриации был массовым и вовлек в свою орбиту значительное число людей. Вместе с тем его отличительной особенностью стал национальный состав отъезжавших. Значительная их часть были евреями или людьми, семейными узами связанными с этой национальностью. Это определило идентичность самой эмигрантской «волны», уникальность которой состоит в особой ментальности тех, кто отъезжал за рубеж. Хотя советский и постсоветский периоды были ознаменованы наличием нескольких эмигрантских волн, однако ни одна из них не была столь «национально ориентированной», как та, которая получила развитие в 1960–1970-е гг.

Как в дореволюционной России, так и в СССР евреи всегда считались особой общностью людей по своим ментальным и культурным ориентирам. Наряду с этим они во все времена ощущали ярко выраженную дискриминацию по отношению к себе со стороны представителей власти и общества в целом. Одновременно с этим советские евреи, а не какая-либо иная социальная и национальная группа получали моральную поддержку в западных странах со стороны их политической элиты и средств массовой информации. Это объяснялось наличием в этих странах, и в первую очередь в США, «еврейского лобби», поддерживающего «своих» по всему миру. Отстаивание интересов советского еврейства в 1960–1970-е гг., с учетом его ярко выраженной дискриминации в СССР было важной составляющей деятельности этого «лоб-

би». Говоря об этом явлении, мы не имеем в виду какой-то экономический и идеологический центры, замыкающие на себе весь процесс помощи евреям. Это были чаще всего действия отдельных организаций, если не считать политические решения, принимавшиеся на уровне государственных институтов (Конгресса США и др.).

Отмеченная поддержка носила ярко выраженный политизированный и даже конъюнктурный характер, с учетом ее национальных, а не политических или общегражданских ориентиров. Тем не менее, в конкретных политических обстоятельствах 1960-х и особенно 1970-х гг. она сыграла свою значимую роль, помогая советским евреям в их желании выехать из Советского Союза. Следует учесть, что борьба за права советских евреев, организованная в западных странах, определялась и процессами, происходящих в сознании их зарубежных единомышленников («братьев по крови»). Начиная с 1960-х гг. интеллектуальные силы американского и европейского еврейства пытались найти и обосновать новые основы своей идентичности. С одной стороны, давало о себе знать кризисное состояние традиционных моделей еврейской самоидентификации. На повестку дня все более активно вставал в эти годы вопрос, может ли полноценно развиваться еврейская культура за пределами Палестины, или она все же неотделима от географического фактора. Отсюда и внимание многих государственных институтов и общественных организаций США, связанных с «еврейским вопросом», к тому, что происходит в этом отношении в Советском Союзе. Понятно, что стремление большого числа советских евреев покинуть свою страну в конце 1960-х гг. и на протяжении всех 1970-х гг. оказалась благодатной темой для организации в то время всякого рода международных конференций и семинаров за рубежом, с привлечением тамошних политиков, деятелей науки и культуры.

Внимание к отмеченной теме активно проявляли и зарубежные СМИ. Американские медиа выглядели на общем фоне наиболее активными, ввиду определенной позиции, занимаемой тогда политической элитой США. С одной стороны, эта элита руководствовалась прагматическими интересами – созданием для своей страны наиболее благоприятных условий экономического развития. Формирование советско-американских отношений на тот момент времени зависели от решения вопроса, связанного с отъездом евреев из СССР. С другой же стороны, участие в судьбах этих людей воспринималось американскими политиками как важное условие формирования своей репутации в глазах массовой аудитории. СМИ подхватили эти настроения и активно развивали их.

Ключевыми историческими источниками для написания данной статьи послужили американские периодические издания – «Нью-Йорк таймс», «Чикаго трибьюн», «Лос-Анджелес таймс» и «Крисчен сайнс монитор». Это ведущие частные газеты, имеющие долгую историю существования и зарекомендовавшие себя в целом как источники надежной информации. Все они относятся к качественной прессе, рассчитанной, прежде всего, на аудиторные группы, которые управляют обществом – политических и общественных деятелей, руководителей крупных корпораций и бизнеса в целом и т.д. Именно по

этой причине отмеченные издания нацелены на распространение более или менее основательной достоверной информации, представленной не только в собственно информационных, но и аналитических жанрах (что является важнейшим атрибутом качественной прессы). Рассмотрение сложного и противоречивого вопроса, касающегося эмиграции и репатриации советских евреев в 1960–1970-е гг., потребовало обращения именно к таким медиаисточникам. Использование СМИ в ходе анализа информации политического содержания не является принципиально новым, однако следует признать, что тема отечественной эмиграции по-прежнему недостаточно востребует медийную информацию в качестве основного источника научного познания. Американская периодика, оказавшаяся тогда в центре событий, оказалась чрезвычайно полезной для раскрытия заявленной темы.

Было рассмотрено в общей сложности 146 информационных и аналитических публикаций за период с 1967 г. (после окончания Шестидневной войны в Израиле) по 1979 гг., когда советская эмиграция окончательно прекратилась – по причине вступления советских войск в Афганистан и нежелания СССР и США более обсуждать эту тему.

Анализ американской прессой фактов на отмеченную тему не был лишен политических пристрастий, что было естественным в условиях тогдашнего жесткого противостояния между СССР и США. С учетом этого развивались содержательные тенденции американской печати вообще и восприятие ею «еврейской темы» в частности.

Проблематика эмиграции советских евреев в 1970-е гг. давно вызывает интерес как у отечественных, так и у зарубежных авторов. Известный исследователь Б. Морозов опубликовал большое количество документов, посвященных этой тематике [33]. Некоторые исследователи концентрируются прежде всего на проблеме советской национальной политики как ключевой, которая, по их мнению, служила главной причиной появления у евреев желания уехать из СССР [29; 30]. Проблемы формирования и развития движения за выезд евреев из СССР находились в центре внимания многих западных исследователей [10; 13; 47]. Уже не раз исследовались в научной литературе и вопросы влияния внешних факторов на процесс эмиграции советских евреев в 1970-е гг. [1; 2; 29; 43; 46]. При всем различии подходов, которые характерны для работ указанных авторов, все они отмечают, что атмосфера «разрядки» оказывала весьма серьезное влияние на ход еврейской эмиграции из СССР, во многом определяя его «подъемы» и «спады». Кампания помощи советским евреям со стороны США в рассматриваемый период стала предметом изучения М. Фридмана и А. Чернина [26].

В израильской и западной исследовательской литературе вопросы репатриации советских евреев рассматриваются в рамках более общей проблематики эволюции Государства Израиль. В этой связи прибытие в 1970-е гг. евреев из Советского Союза рассматривается как один из важных этапов истории Алии [41; 42; 51]. Историки связывают различные этапы Алии с эволюцией еврейского национального самосознания в СССР [16; 28].

Значительно менее исследован в литературе вопрос об особенностях адаптации советских евреев в США, их месте и роли в американском обществе. Так, в работе П. Аппельбаума проанализировано восприятие американским общественным мнением движения эмиграции советских евреев в США и помощи им со стороны американских еврейских организаций [7]. Необходимо также выделить труд под редакцией З. Гительмана, М. Гланца и М. Гольдмана, посвященный различным аспектам жизни бывших советских евреев в эмиграции [17].

Вместе с тем исследователи данной проблемы ранее широко не привлекали такой важный вид исторического источника, как американская периодическая печать. Проблема репрезентации советской еврейской эмиграции в американских СМИ также пока еще не становилась объектом специального изучения, несмотря на наличие достаточно большого числа исследований медиапространства [12; 36]. Данное обстоятельство обуславливает дополнительную актуальность нашей статьи.

Причины и характер эмиграции советских евреев: к истории вопроса

Всплеск самосознания советских евреев и последовавшая за этим их репатриация и эмиграция приходятся, как уже отмечалось, на вторую половину 1960-х – первую половину 1970-х гг. Это было связано с победой Израиля в ходе Шестидневной войны 1967 г. [2. С. 466]. События Шестидневной войны 1967 г. укрепили чувства гордости советских евреев за свою историческую родину. Желание многих из них покинуть Советский Союз, где они выросли и жили, подтверждало эту тенденцию. Этому способствовала складывавшаяся на тот момент обстановка. В июне 1968 г. (через год после разрыва отношений с Израилем) в ЦК КПСС поступило совместное письмо за подписями тогдашнего министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. В нем высказывалась поистине революционная по тем временам идея: разрешить советским евреям уехать из страны. Это было продиктовано желанием руководства страны создать экономические и торговые преференции во взаимодействии с западным миром, которые могли состояться только при соблюдении в СССР прав человека. С конца 1960-х гг. политика СССР в отношении Израиля и выезда евреев действительно смягчается.

В Советском Союзе поначалу рассчитывали, что число отъезжающих будет ограниченным. В самом деле, в 1970 г. по израильским визам страну покинула лишь тысяча человек, однако в 1973 г. таких было уже свыше 34 тысяч, а до середины 1970-х репатриировалось около 100 тыс. чел. Часть их отправилась в Израиль, руководствуясь «духом крови» и сионистскими настроениями, другие приняли решение обосноваться в США. Хотя оба потока отъезжавших были едины в своем стремлении покинуть СССР, они существенно отличались друг от друга видением своего будущего. Если первые воспринимали Израиль не просто как новую для себя страну, но, прежде всего, как особое, едва ли не священное место для всех иудеев, то вторые значительно

менее были отягощены духовными исканиями и воспринимали свой отъезд как возможность получить то, чего были лишены в привычной жизни. Это касалось реализации своих профессиональных возможностей, материальных благ, лучшей доли для своих детей и т.д. Было очевидным, что эта мировоззренческая разница между представителями двух групп делало практически невозможным их сближение друг с другом.

В 1970-е гг. «разрешительная» политика СССР в отношении евреев если и развивалась, то непоследовательно и противоречиво. «Окно» окончательно закрылось с приходом 1980-х гг., уже после ввода советских войск в Афганистан и высылки из Москвы академика-диссидента А.Д. Сахарова. Руководство СССР все отчетливее ощущало возрастающее политическое давление со стороны Запада и окончательно прекратило попытки идти на компромисс с ним по «еврейскому вопросу». Он был признан «закрытым». Одновременно власти прибегли к репрессивным мерам в отношении активистов, ратовавших за отъезд из страны. Если в 1979 г. выездные визы получили 51 333 чел., то в 1982 г. таковых было лишь 2688 чел. По итогам 1983 г. число виз уменьшилось до 1315, а в 1984 г. их было выдано лишь 896.

Следует учесть, что процесс отъезда евреев из СССР имел достаточно длительную историческую традицию. Так, за период 1923–1937 гг. из СССР эмигрировало около 70 тыс. евреев, в том числе 32 тыс. в США и около 25 тыс. в Палестину. При этом большее число таких отъездов пришлось на 1920-е гг., когда в СССР реализовывалась новая экономическая политика и границы страны еще не были окончательно закрыты. Однако по мере ужесточения в стране внутренней политики усложнялись и проблемы с эмиграцией и репатриацией. Полностью же отъезд евреев прекратился в конце 1930-х гг., когда усилиями Кремля был окончательно возведен «железный занавес» между СССР и всем остальным миром. Возможность смены страны проживания для евреев, как и представителей всех остальных национальностей, живших на территории страны, отныне полностью исключалась.

С середины 1950-х гг. этот процесс был возобновлен. В данном случае уместно говорить в большей мере о репатриации, чем эмиграции, по причине того, что конечным пунктом для своего перемещения советские евреи воспринимали именно Израиль. Следует, однако, признать, что сам процесс был ограниченным: общее число уехавших с 1955 по 1967 гг. составило немногим более 12 тысяч чел. [4. С. 68]. Практически все репатрианты имели родственников на Земле обетованной, что и определило возможность получения ими официального разрешения на отъезд из СССР. Многие из них длительное время готовились к отъезду: изучали иврит, традиции и историю иудаизма (как правило, скрытно, в подпольных условиях). Это в дальнейшем позволило им более или менее успешно абсорбироваться в Израиле.

Таким образом, новый этап переселения евреев из СССР в другие страны с конца 1960-х и на протяжении всех 1970-х гг. не был уникальным явлением, с учетом всей предшествующей его эволюции. Вместе с тем это время репатриации качественно разнилось по сравнению со всеми предшествующими этапами.

Принципиальная разница между периодом 1960–1970-х гг. и более ранними этапами, на которые пришлись еврейская эмиграция и репатриация, заключалась не столько в количественных показателях этого процесса, сколько в качественном составе его участников, а также в мощном резонансе, который он получил в мировых СМИ. Эта волна на фоне всех предыдущих отличалась наиболее высоким образовательным и профессиональным уровнем и специфическими политическими взглядами отъезжавших. Все это отличало эмигрантов и репатриантов 1960–1970-х гг. от их предшественников.

Ощущение несправедливости по отношению к себе прочно сформировало в сознании многих из тех людей неприятие реальности в тогдашнем СССР. Некоторых можно было причислить к числу откровенных диссидентов, обсуждавших эти идеи на домашних кухнях. Другим феноменом эмиграции и репатриации того времени, по сравнению с более ранними периодами, стало наличие большого числа «отказников» – тех, кому по разным причинам был запрещен выезд из СССР. Такие отказы, ставшие массовым явлением уже в 1970-е гг., могли длиться годами, что приводило к бедственному положению самих «отказников», чаще всего не имевших постоянной работы и заработка. Одновременно эти люди становились «разменной картой» в тогдашней политической игре между СССР и США. Это выразилось, например, в развитии ситуации вокруг американского Закона о торговле (1974). Принятая к этому документу поправка ратовала за предоставление Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования в этой сфере деятельности – при условии предоставления советским евреям свободы выезда. Советское руководство пошло на эту сделку, но при этом многие желающие выехать за пределы СССР испытывали жесткий моральный прессинг.

В целом, 1960–1970-е гг. стали важным этапом в истории отечественной эмиграции. Реальность этого периода определила формирование особого мышления тогдашней интеллектуальной элиты советского общества, а также развитие многих последующих явлений внутривнутриполитической жизни в стране. Наиболее наглядно эти проявления, как уже отмечалось, заметны через СМИ, в силу их активного вторжения в повседневную жизнь. Американская пресса, как уже подчеркивалось, не просто уделяла пристальное внимание освещению самого этого вопроса, но и имела определенную позицию. В ее основе были приоритеты внешней политики США и собственные медийные подходы, определяемые формальным невмешательством в деятельность СМИ со стороны американских государственных институтов. Это в известной мере позволяло этим СМИ демонстрировать свое видение складывавшейся ситуации.

Исследование проблемы

На рубеже 1960-х – 1970-х гг. на страницах американских печатных СМИ появились первые материалы, рассматривавшие ситуацию вокруг репатриации советских евреев в Израиль. Пресса активно писала о препятствиях, чинимых советскими властями в отношении выезжавших. Так, в декабре 1969 г. в «Нью-

Йорк таймс» появилось интервью с москвичом Борисом Шперлингом, 11 лет добивавшемся разрешения на выезд из страны. Он рассказывал о тех унижениях, которые довелось пережить евреям, стремившимся покинуть СССР [37].

В исследуемый нами период не только «Нью-Йорк таймс», но, пожалуй, все ведущие газеты США обратились к «еврейской теме». Она муссировалась не только в информационных заметках, появлявшихся по поводу каких-либо конкретных событий, но и звучала в обзорах и редакционных комментариях. По утверждениям американской прессы, даже те евреи, которые получали разрешение покинуть СССР, продолжали испытывать давление со стороны советских властей. Приводимые факты никак не укладывались в сознание простых американцев и поэтому вызывали протесты с их стороны. Здешняя печать также постоянно сообщала об этом. Так, например, в апреле 1970 г. в «Чикаго трибьюн» появилась заметка о состоявшемся в Нью-Йорке марше 20 тыс. евреев, протестующих по поводу проявлений антисемитизма в Советском Союзе [37].

Неравнодушная позиция американского общества стала одним из факторов, способствовавших тому, что в 1970-е гг. советские евреи все-таки получили ограниченные возможности выезда из страны. Это отмечала и американская пресса. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Дж. Олбрайт, подчеркивая степень влияния «еврейского лобби» на американскую внешнюю политику, в буквальном смысле восклицал: «Экстраординарным является то, что моральная позиция этнического меньшинства, представляющего 3% населения США, сумела заставить другую страну изменить свои решения. Особенно, если учесть, что этой страной является Советский Союз!» [5].

В этих словах была изрядная толика преувеличения. На действия советского руководства влияла не позиция «еврейского лобби» и не организуемые им митинги или демонстрации. На все это Кремль смотрел «сквозь пальцы», видя в такой «буффонаде» стремление Белого дома отвлечь американцев от решения их повседневных проблем (именно так формировала повестку дня советская пропаганда). Но для Москвы было важно придать легитимность вопросу еврейской репатриации. Это давало ей возможность сформировать равные экономические отношения между СССР и США, в первую очередь для решения своих внешнеполитических задач. Несмотря на внешнее игнорирование своей ответственности за развитие гонки вооружений, Кремль активно стремился придать себе «хорошее лицо», понимая, что это будет иметь значение в ходе дальнейших переговоров с западными партнерами. Решение «еврейского вопроса» действительно помогло советскому руководству тех лет создать видимость прорыва в сфере международных отношений.

От внимания американской прессы не ускользала двойственность позиции СССР. Поэтому на ее страницах звучали предостережения в адрес еврейской общественности вести себя осторожнее в отношениях с Советами. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Голдман подчеркивал, что советское еврейство не должно являться для американского населения «оружием мобилизации», поскольку было бы неразумным «возлагать на него ответственность»

за всю судьбу советско-американских отношений. Хотя судьба заокеанских евреев является для Америки политически важным вопросом, продолжал далее Н. Голдман, «аморально и опасно» необдуманно ускорять его решение. Н. Голдман задавал своим читателям и откровенно провокационные вопросы. Два из них звучали так: «Что должно случиться, если русские захотят депортировать миллион евреев в Сибирь? Пойдет ли Америка воевать, чтобы защитить их?» [18]. Предполагалось, видимо, что на эти вопросы могут быть даны только отрицательные ответы. В данном случае газета анализировала не факты, а лишь предположения, что позволяет отнести такой подход к образцам американской медиапропаганды.

Мы обращаем на это внимание, чтобы подчеркнуть: стремление американской прессы того времени высветить негативные явления в жизни советского общества далеко не всегда было строго аргументированным. Нередко оно страдало эмоциональностью, что ослабляло возможности СМИ в тогдашней идеологической борьбе между двумя политическими системами.

Значительное внимание на страницах американской прессы уделялось и прошедшей в 1971 г. Брюссельской конференции по проблемам советских евреев. По мнению американских газетчиков, этот форум стал эффективным инструментом давления на советское руководство. Так, обозреватель «Лос-Анджелес таймс» М. Сигер доказывал, что как раз после этой конференции многие советские евреи получили возможности выехать из страны [49]. Также позитивно воспринималась газетой и вторая Брюссельская конференция (1976). Анализируя ее итоги, М. Сигер отмечал, что СССР могут покинуть около 750 тыс. евреев, однако многие из них «ощущают угрозу преследования» [49]. В свою очередь, другая американская газета «Чикаго трибьюн», говоря о принятии конференцией итогового документа расширяла постановку вопроса. По ее словам, в СССР требовалось снять ограничения не только на еврейскую эмиграцию, но и на «повседневную практику иудаизма» [53].

Читая эти и им подобные высказывания, нельзя не признать, что американские издания вновь выглядели не очень убедительными источниками информации. Так, обращает на себя назидательность тона «Чикаго трибьюн». Что же касается «Лос-Анджелес таймс», то приведенная цифра в 750 тыс. чел. не была подкреплена официальной статистикой. Очевидно, что, повторяя уже знакомые речевые обороты, газета стремилась еще раз закрепить свою позицию в сознании читателей.

Голос ведущих американских медиа, представлявших политический истеблишмент Америки, все же вынуждал советское руководство идти на уступки. Вместе с тем стремившиеся покинуть страну евреи продолжали подвергаться ограничениям и унижениям [34]. Эта практика не прекратилась и после Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), где присутствовала советская делегация во главе генсеком ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Он и подписал Заключительный акт совещания, в котором признавалась ответственность всех присутствовавших стран за соблюдение прав человека. Вместе с тем даже после этого отношение СССР к потенциальным

эмигрантам и репатриантам, заявлявшим о своих намерениях, не изменилось. Американская пресса не раз сообщала о советских пограничниках, изымавших у выезжавших записные книжки с адресами родственников [23].

Масштабы и значение еврейской эмиграции из Советского Союза 1970-х гг., по мнению американских журналистов, позволяли говорить о ней как о серьезном историко-культурном феномене. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Л. Шеймс указывал на «высокий процент деятелей искусства и интеллектуалов», выехавших из СССР в США в 1970-е гг. По его мнению, этот социальный феномен можно было сравнить только с исходом интеллигенции из гитлеровской Германии накануне Второй мировой войны. Вместе с тем Л. Шеймс предостерегал от излишней политизации при восприятии этого явления. Несмотря на то, что отъезжавших из СССР, по его словам, можно называть «политическими беженцами», многие из них не вправе были «именоваться диссидентами» [45].

Некоторые из интеллектуалов, покинувших страну, заявляли о том, что их выбор был продиктован неприятием существовавшего в СССР политического режима. Однако если обратиться к анализу психологических и политических установок многих «рядовых» эмигрантов из СССР, то картина выглядит более противоречивой. Интервью, взятые американскими СМИ у бывших советских граждан, свидетельствовали о том, что мало кто из опрошиваемых имел четкие антисоветские взгляды. Зато принадлежность к еврейству становилась важнейшим фактором, «выталкивающим» их из страны. Выехавшая из Советского Союза в 1976 г. виолончелистка Н. Бейлина признавалась: «Моя карьера шла все хуже и хуже, т.к. они начали двигать русских, а не евреев» [25]. Ведущие американские газеты регулярно обращались к проблеме антисемитизма в СССР. Так, «Лос-Анджелес таймс», освещая выступление в США супруги известного еврейского активиста Н. Щаранского, ссылаясь на ее личную историю об унижениях, которым она подвергалась. При этом американская газета даже заявляла, что подобные факты создают почву для повторения в Советском Союзе трагедии Холокоста [49].

Наряду с проявлениями в СССР антисемитизма эмигранты указывали и на другие причины, заставившие их покинуть Советский Союз. Многие из них утверждали, что в брежневском СССР они не имели необходимых условий для творческой деятельности. «Я думала о своем сыне – чтобы он мог делать то, что хочет» [25], – отмечала та же Н. Бейлина. Как видим, заданные советской властью жесткие рамки, в которых оказывались творческие люди, устраивали далеко не всех. Сложившаяся атмосфера полной личной подотчетности государственной системе становилась для некоторых представителей советской интеллигенции дополнительным аргументом в пользу выезда из страны.

Так или иначе, но эмигрантский поток продолжал расти. Сразу несколько ведущих американских газет отметили, что март 1979 г. стал рекордным по числу покинувших СССР евреев [19]. По мнению обозревателя «Нью-Йорк таймс» Б. Гвертцмана, это было также связано со стремлением советского руководства улучшить отношения с Западом. Как уже отмечалось, советские ев-

реи во многом являлись «разменными фигурами» в отношениях между двумя противоборствующими сторонами в лице СССР и США. Именно в общеисторическом контексте этого времени становятся понятными подъемы и спады еврейской эмиграции из Советского Союза [46].

В 1979 г. ожидалась ратификация Сенатом США договора об ОСВ-2 и встреча президента США Дж. Картера с Л.И. Брежневым. По мнению того же Б. Гвертцмана, в преддверии этих событий «русские хотели улучшить атмосферу» советско-американских отношений и поэтому не стали препятствовать выезду евреев из СССР [19]. В свою очередь, и в политической элите США на тот момент были сторонники нормализации советско-американских отношений, которые выступали, в частности, за отмену известной поправки Джэксона-Вэника, предусматривавшей ограничения на экономическое взаимодействие между странами [20].

Позитивный подход к развитию советско-американских отношений время от времени присутствовал и в прессе США, что свидетельствовало о том, что она в эти годы не была лишь орудием пропаганды против СССР (что тогда в угоду политическому моменту отмечали нередко советские СМИ). Другое дело, что, воспринимая с позицией сегодняшнего дня эти оценки, нельзя не обнаружить их определенный дилетантизм. Отражением такого во многом иллюзорного восприятия советско-американских отношений стала статья Н. Голдмана, появившаяся на страницах «Нью-Йорк таймс», и в которой автор доказывал, что в Советском Союзе этнические меньшинства имели право на определенную автономию, могли сохранять свой язык, литературу, театр и т.д. При этом Н. Голдман отвергал тезис о том, что в СССР невозможно дальнейшее существование еврейского народа. «Еврейский образ жизни возможен, – отмечал он – даже в условиях коммунистического режима». Заявляя, что правление Л.И. Брежнева «менее брутально», чем сталинское, американский журналист подчеркивал: «Мы имеем дело с государством, которое находится на пути либерализации» [18]. Тем самым Н. Голдман убеждал политическую элиту США в необходимости идти навстречу руководству СССР.

Однако, как показывает анализ американской прессы, в США все-таки преобладали сторонники иной точки зрения. В частности, обозреватель «Кристен сайнс монитор» У. Морехаус полагал, что некоторая либерализация в вопросе о выдаче разрешений на выезд, осуществляемая руководством СССР, является лишь «трюком», связанным с ратификацией Сенатом США договора об ОСВ-2 [32]. При этом У. Морехаус не верил в искренность намерений советского руководства.

Уже через полгода стало очевидно, что надежды на нормализацию советско-американских отношений, действительно, оказались беспочвенными. Ввод советских войск в Афганистан привел к новому всплеску международной напряженности, жертвами которой стали советские евреи. Публикации в американской прессе, относящиеся к началу 1980-х гг., фиксировали резкое сокращение эмиграционного потока из СССР. Как указывал в интервью «Нью-Йорк таймс» один из руководителей Всемирной сионистской организации

А. Дульцин, советские власти ужесточили саму процедуру получения разрешения на выезд. Они стали требовать, чтобы только близкие родственники подписывали приглашения в Израиль. Ранее допускались и подписи дальних родственников, а иногда, указывал А. Дульцин, «можно было использовать и тех, кто имел такую же фамилию» [6].

При этом дискуссионным оставался вопрос о том, когда СССР начал вводить ограничения на эмиграцию. По мнению А. Дульцина, спад числа уезжавших из СССР начался в декабре 1979 г. «Мы думали, – отмечал он, – что это, возможно, было связано с праздниками» [6]. Однако в первой половине 1980 г. поток выезжавших из СССР по-прежнему продолжал снижаться. Тем не менее, декабрь 1979 г., еще раз повторимся, позволяет связать эту тенденцию с вводом советских войск в Афганистан. Между тем в американской прессе можно было встретить и иные точки отсчета самого процесса. Так, по мнению директора Ассоциации еврейских групп М. Шинбаум, СССР начал вводить ограничения на эмиграцию еще в мае 1979 г. [15]. С этой точкой зрения солидарны и сотрудники посольства Израиля в Вашингтоне [31].

В любом случае, рубеж 1970-х – 1980-х гг. стал временем резкого ограничения еврейской эмиграции из СССР. Это является доказательством того, что данная политика может быть понята только в контексте «разрядки» в международных отношениях. Конец этой эпохи привел к тому, что выезд евреев из СССР упал до показателей середины 1960-х гг. Лишь в условиях «перестройки» М. С. Горбачева, когда «железный занавес» между двумя политическими системами был снят, этот процесс получил новый импульс развития.

Рубеж 1960-х – начала 1970-х гг. стал временем сионистской активности. Несмотря на все препятствия со стороны советских властей, приверженцы идеи о том, что евреи должны жить именно в Израиле, стремились уехать на Землю обетованную. Однако после того, как под давлением мирового сообщества Советский Союз пошел на ограниченную либерализацию эмиграционного режима, ситуация начала меняться. Уже в середине 1970-х гг. все больше евреев стали уезжать не в Израиль, а в США.

Этот «крен» наиболее болезненно воспринимался внутри израильского общества. На страницах русскоязычных израильских журналов велась полемика по вопросу о том, какие причины заставляли евреев предпочесть США Израилю [3. С. 126]. Американская пресса также не могла пройти мимо этого явления. Указывая, что в 1976 г. в Израиль прибыло менее 20 тыс. чел. из СССР, обозреватель «Лос-Анджелес таймс» Д. Торгерсон объяснял это сложной экономической ситуацией в Израиле. По его мнению, после энергетического кризиса 1973 г. ситуация в стране резко ухудшилась и при росте цен реальные доходы населения падали. В этих экономических условиях, писал Д. Торгерсон, Израиль сейчас «не лучшее, но, возможно, худшее из всех мест, куда желали бы уехать иммигранты» [52]. Аналогичное мнение высказывал уже упомянутый обозреватель «Нью-Йорк таймс» Н. Голдман: «Пока Израиль не знает мира и его экономическая ситуация не устойчива, страна не способна обустроить сотни тысяч эмигрантов – даже если предположить, что она хочет

этого» [18]. Единственной надеждой Израиля в данной ситуации становились идейные сионисты, но среди выезжавших из Советского Союза их было не так много.

Надежды той части израильского общества, которая рассчитывала на массовый приток репатриантов из СССР, не оправдались. Как отмечал в 1978 г. обозреватель «Нью-Йорк таймс» П. Хофман, лишь около половины евреев, выехавших из СССР, действительно, направились в Израиль [21]. Годом спустя П. Хофман оказался еще пессимистичнее, заявив, что около 70 проц. евреев из СССР не хотели ехать в Израиль [22]. Журналист пытался понять причину этого. Выяснилось, что информация от ранее уехавших в Израиль репатриантов часто была негативной. Страна не готова к массовой абсорбции – таков был вывод данной статьи.

В самом Израиле причины данной ситуации оценивались иначе. Многие еврейские активисты, уехавшие из СССР на рубеже 1960-х – 1970-х гг., на волне подъема национального самосознания, были возмущены выбором, который делали новые эмигранты. Один из таких активистов, А. Лернер, попросту называл «дезертирами» тех, кто предпочитал США Израилю. Он предлагал перенести лагерь для выезжающих из Советского Союза из Рима в Хайфу [14]. Раздавались призывы отменить поддержку со стороны международных организаций тем евреям, которые не хотели ехать в Израиль.

В свою очередь, сам Израиль возлагал вину на США за то, что, пользуясь своими финансовыми возможностями, эта страна, по существу, переманивала к себе евреев из СССР. Представляется, что в подобных суждениях было немало наносного. Многие представители советского еврейства предпочитали Америку потому, что, во-первых, они не очень хотели вникать в суть сионистских идей, видя их для себя не очень нужными, далекими от их предшествующей жизни. С другой стороны, они полагали, что США в социальном отношении являются более благополучной страной по сравнению с Израилем, и именно там можно надеяться на благополучную жизнь не только для себя, но и для детей и внуков. Израиль, в свою очередь, возлагал именно на США вину за то, что СССР, начиная с 1979 г., резко ограничил поток эмигрантов. Как отмечал обозреватель «Чикаго трибьюн» Дж. Маклин, США во время переговоров с СССР постоянно проявляли неуступчивость, что и обусловило общий рост числа отказов в праве на выезд со стороны советских властей [31].

Неприятие Израилем позиции США в отношении вопроса еврейской эмиграции стало усиливаться во второй половине 1970-х гг. Тогда власти Израиля стали в буквальном смысле требовать от американских еврейских организаций прекратить помощь тем, кто уезжал в США. В прессе сообщалось о деятельности специальной американско-израильской комиссии, обсуждавшей эти вопросы. По данным «Лос-Анджелес таймс», Конгресс США, начиная с 1972 г., ежегодно выделял 30–50 млн долларов на организацию помощи эмигрантам из СССР [27]. Как показывали материалы ведущих американских газет, выбор, который делали советские евреи в пользу США, действительно становился серьезной международной проблемой, обострявшей общую напряженность в международных отношениях эпохи «разрядки».

Первые трудности возникали у советских эмигрантов еще до того, как они вступали на американскую землю. Предпочтя Соединенные Штаты Израилю, они затем месяцами вынуждены были ждать въездную американскую визу, почти не имея заработка и живя в чрезвычайно скромных условиях. Уже в Европе у некоторых начиналось разочарование в западных ценностях, еще недавно возводимых на пьедестал. Один из этих людей так охарактеризовал свое настроение в интервью журналисту «Нью-Йорк таймс»: «Мы думали, что нам будет лучше на Западе. Но наши страдания продолжаются. Мы имеем здесь больше неприятностей, чем в России» [48]. Правда, были и иные мнения. Признавая в разговоре, как психологически непросто было дожидаться въездной визы в США, писательница Белла Дижур, мать всемирно известного скульптора Э. Неизвестного, говорила так: «Неизвестность в буквальном смысле охватывала всю меня. Но я понимала, что пути назад попросту нет. Не только потому, что меня ждал в Америке сын, но еще и по причине того, что все пути назад, образно говоря, были сожжены. И это заставляло думать рационально»¹.

Рано или поздно, но это нередко долгое ожидание все же завершалось, и советские эмигранты оказывались на американской земле. Даже в самое первое время после приезда они не оставались в одиночестве. Обозреватель «Лос-Анджелес таймс» Л. Беннет в 1979 г. в своей статье рассказывал о том, как США помогают уехавшим из СССР [9]. Основное внимание он уделил рассмотрению деятельности Еврейского общества помощи иммигрантам (HIAS – Hebrew Immigrant Aid Society). Вместе с такими организациями, как Совет еврейской федерации (Jewish Federation Council) и Служба по делам еврейской семьи (Jewish Family Service), это Общество помогало вновь приехавшим иммигрантам.

Очевидно, что помощь от еврейских организаций США легче было получить в больших городах, что и приводило к неравномерному заселению этой страны со стороны бывших советских граждан. Наибольшее число этих иммигрантов оказалось в то время в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Что касается последнего, то корреспондент «Лос-Анджелес таймс» Л. Стаммер отмечал, что многие из них поселились в Беверли-Фарфакс – еврейском районе этого города. На авеню Ла-Бреа в этом же районе даже появилась «русская синагога». На бульваре Санта-Моника стало собираться так много бывших советских евреев, что находившийся там Плуммер-парк начали даже именовать «Московской площадью». На авеню Вест-Пико открылся магазин деликатесов, принадлежавший одесской семье. Л. Стаммер не преминул отметить, что там можно было купить воблу [50].

Бытовая сторона вопроса особенно интересовала американскую прессу. Исследованные нами газеты много писали о вкусах вновь прибывших, их образе жизни, пристрастиях и увлечениях. Характерной особенностью таких публикаций стала подача информации через конкретных людей, что усиливало эмоциональное воздействие печатного слова. При этом, как уже отмечалось, американская печать довольно быстро обратила внимание на специфическую

¹ Из беседы Б. Дижур с Д.Л. Стровским 26 сентября 1996 г. (г. Нью-Йорк, США).

особенность советских иммигрантов: большое их число относилось к представителям интеллигенции. Наплыв советских музыкантов в 1970-е гг. можно было сравнить разве что с эпохой 1920–1930-х гг., когда в концертных залах США блистали С. Рахманинов, С. Прокофьев, С. Кусевицкий и др. Внимание американских журналистов, кроме того, привлекали деятели искусства, получившие международную известность еще в Советском Союзе. Такие из них, как, например, В. Ашкенази, и в эмиграции сохраняли высокий профессиональный статус. Их приглашали выступать в наиболее престижных театрах и концертных залах Америки и Европы [39].

Однако менее известным деятелям советского искусства добиться успеха на Западе было гораздо сложнее. Живя в Советском Союзе, они нередко сетовали в частных разговорах на ограниченность их творческих возможностей, однако за океаном, как выяснилось, этих людей тоже никто не встречал с распростертыми объятиями. Талантливые выпускники Московской и Ленинградской консерваторий, подававшие в СССР большие надежды и годами добивавшиеся права выехать из страны по израильской визе, в США попросту не могли найти работу. «Нью-Йорк таймс» приводила пример одного из таких музыкантов, в итоге ставшего рассыльным в американском банке [25]. В свою очередь, журналист «Лос-Анджелес таймс» Л. Стаммер рассказывал о советских пианистах, которые, живя в Америке, были вынуждены работать на продуктовых складах [50].

И таких историй в тогдашних американских СМИ публиковалось немало. Им было присуще отсутствие морализаторства и излишних эмоций. Констатировались факты, но, как правило, без слезного отношения к ним со стороны пишущих. Дескать, вот история, а вот еще одна; выводы же из них делайте сами, уважаемые читатели. Это существенным образом отличало описательный подход, предлагаемый американской прессой, от тенденций, которые были характерны для советской прессы.

Пытаясь проанализировать причины ситуации, связанной с представителями советского исполнительского искусства, американские журналисты выделяли целый ряд факторов. Некоторые из них были связаны с особенностями творчества выехавших из Советского Союза деятелей искусства. Воспитанные в традициях классической русской и советской музыкальной культуры, они, по мнению «Нью-Йорк таймс», «концентрировались на культуре XIX века» и были укоренены в прошлом «гораздо больше, чем американцы» [50]. Это и приводило к ограниченному интересу к таким музыкальным вкусам со стороны американской публики. Вместе с тем далеко не все деятели искусства были готовы учитывать запросы зарубежной аудитории, что усиливало их частый внутренний конфликт с окружающим миром.

Эта изначальная нестыковка между вкусами выступавших и зрителей, впрочем, подчас давала совсем иные результаты. В 1979 г. группа музыкантов во главе с Л. Гозманом (бывшим директором Ленинградского камерного оркестра, уехавшим из СССР двумя годами ранее) создала Советский музыкальный оркестр. Его участники открыто заявляли, что их главная цель – со-

хранить все лучшее, что было в русской музыкальной культуре. При этом, понимая, что название оркестра небесспорно для американской публики, Л. Гозман подчеркивал: «Речь идет о чисто музыкальной традиции. Это не имеет ничего общего с политикой» [24]. В 1979 г. в Карнеги-холле Л. Гозман организовал даже Фестиваль музыки советских эмигрантов, который также освещался американскими СМИ.

На общем фоне наиболее чувствительным для советских эмигрантов стал фактор, связанный отнюдь не с содержательными аспектами творчества. Главной проблемой для них оставался английский язык. Далекое не все советские люди, приехавшие в США, сносно владели им. Даже общаясь на бытовом уровне, они далеко не всегда могли конкурировать с родившимися в США коллегами. Кроме того, приехавшим из Советского Союза музыкантам было очень трудно привыкнуть к той коммерциализации, которая пронизывала американскую культуру. Так, оказавшийся в США в 1974 г. А. Ровнер – редактор известного журнала «Гнозис», специализировавшегося на проблемах литературы и искусства – заметил в одном из интервью: «Существует множество способов, чтобы угнетать литературу. Меня цензурирует коммерция». Однажды А. Ровнер решил составить антологию произведений эмигрантской литературы. Он выиграл грант, вложил также большую сумму своих денег, привлек более сотни авторов. Издать, однако, удалось только русскоязычную версию антологии, после этого закончились деньги. Уже готовая англоязычная версия осталась неизданной. «Я чувствую себя истощенным», – замечал в интервью газете «Нью-Йорк таймс» А. Ровнер [45].

Впрочем, некоторые товарищи А. Ровнера сами осознавали тот факт, что деятелям нонконформистского искусства объективно крайне трудно было адаптироваться к условиям жизни и творчества в США. Приехавший в Нью-Йорк в 1975 г. А. Косолапов, который вынужден был в эмиграции работать уборщиком, ухаживать за детьми и т.д., замечал: «Меня не принимала коммунистическая система. Почему меня должен принимать капиталистический рынок? Я не кажусь очень коммуникабельным человеком. Однако, я рассматриваю искусство не как карьеру, а как образ жизни» [45].

Для того, чтобы добиться успеха в США, нужно было иметь хорошего продюсера, который бы ориентировался на американском рынке произведений искусства. При отсутствии такого человека новый эмигрант из СССР, приехавший сюда, оказывался в тяжелейшем положении. Он вынужден был сам, не зная местных условий, пробиваться «в люди», занимаясь тем, чего в Советском Союзе никогда не делал. Уже упоминавшийся А. Ровнер восклицал: «Я не знаю, как продавать. Я знаю, как писать, как переводить, как организовать публикацию. Но откуда брать деньги? Это что-то, чего мы никогда не изучали в России» [45].

Именно это оказывалось наиболее сложным испытанием для советской элиты, о чем они, не сговариваясь, рассказывали в интервью американским СМИ. Так, уже упоминавшаяся виолончелистка Н. Бейлина признавалась: «Здесь Вы должны решать все очень быстро. Я здесь как ребенок». Ее коллега

И. Абезгауз, уехавший из СССР в 1976 г., подчеркивал, что в Советском Союзе музыканту не приходилось принимать так много решений: «В СССР главная цель – выиграть конкурс. Если Вы это сделали, все остальное за Вас решат. Здесь же приходится думать от пятницы до пятницы». Сам И. Абезгауз смог добиться достаточно прочного положения в Америке. В течение шести сезонов он был виолончелистом симфонического оркестра штата Нью-Джерси, затем дирижером аналогичного оркестра в Вестчестер-каунти. Но в ходе накопления этого опыта И. Абезгауз все более осознавал, насколько неоднозначны критерии творческого успеха в США: «В этой стране так много способов определения успеха. Вы можете думать, что добились успеха, если научились играть концерт, или <...> если Вы должны играть этот концерт в Карнеги-холле. Для меня успех – это быть дирижером» [45].

Некоторые эмигранты быстро поняли законы американского рынка. В отличие от Л. Гозмана и его товарищей они не собирались отстаивать традиции русской и советской музыкальной культуры. Эти люди столь успешно интегрировались в американское общество, что уже и не вспоминали о Родине. Оперный певец Миша Райцин, спев в 1979 г. в США в опере «Борис Годунов», заметил в интервью «Чикаго трибьюн»: «Сейчас я чувствую, что я здесь родился. Я никогда не думаю о России» [34].

Безусловно, среди еврейских иммигрантов 1970-х гг. были отнюдь не только деятели культуры. «Нью-Йорк таймс» писала, например, о судьбе бывшего советского пилота М. Шабетаева, который, прожив два года в США на «велфэре» (пособии по безработице), продолжал активно бороться за право работать по специальности [35]. Имевшие советское образование врачи (в первую очередь дантисты), строители и инженеры в целом «успешно адаптировались к американскому образу жизни». Вместе с тем американская пресса отмечала и те трудности, с которыми сталкивались многие представители этой группы. К их числу относились и утвердившийся здесь образ жизни, и многообразие американской культуры в целом, где было очень непросто «затвердить» свою нишу [50]. В ментальном отношении советские люди сильно отличались от большинства американцев, что нередко порождало непонимание и конфликты между теми и другими.

Необычной казалась многим «русским» и постоянная привычка американцев улыбаться – на работе, в общественных местах, в разговорах с друзьями. Приехавший из СССР Л. Привороцкий говорил по этому поводу в интервью «Лос-Анджелес таймс»: «Если кто-то улыбается мне, я думал, что он действительно хочет мне помочь. Но это лишь привычка американцев, которая не означает, что они любят тебя» [50].

Особенно тяжело приходилось людям старшего поколения, ощущавшим изолированность и одиночество в новом обществе. Л. Стаммер замечал: «В то время как дети и внуки, работая и учась, «становятся американцами», многие старики остаются в своих квартирах и считают часы. <...> Они не могут слушать радио, читать газеты, смотреть телевидение, и это приводит многих в состояние депрессии» [50]. Депрессия сопровождала в 1960–1970-е гг. тысячи

бывших советских людей. Это во многом определялось их географической и политической удаленностью от своей первой родины.

Однако, как свидетельствуют материалы прессы, и американцы были удивлены некоторыми особенностями, отличавшими советских евреев. Первоначально их воспринимали едва ли не как «святых мучеников», жертв советского тоталитаризма. Но быстро выяснилось, что многие из приехавших совсем иные люди. В СССР обман государства воспринимался чуть ли не как нормальное поведение человека. Некоторые еврейские эмигранты, переехавшие жить в Америку, начали заниматься мошенничеством, совершать преступления, используя «лазейки» в законодательстве. «Им не стыдно обманывать кого-то» [50], – с удивлением констатировали американцы.

Как видим, своеобразный культурный шок ощутили обе стороны. Советских иммигрантов и американцев разделяли «мифы и стереотипы друг о друге», что вело к «недопониманию» и даже «к антагонизму» [50]. В этом плане характерно письмо в редакцию «Нью-Йорк таймс», написанное жившим в США с 1974 г. Д. Азбелем. Он подчеркивал, что не только у русских иммигрантов затруднено восприятие американцев, но и американцы в той же мере не готовы понять и взаимодействовать с русскими. Этот недостаток коммуникации «приводит к появлению у иммигрантов чувства изоляции» [8]. Д. Азбель написал это письмо в «Нью-Йорк таймс», прочитав на страницах этой газеты о том, что одна из еврейских семей вернулась в СССР и уже начала там критиковать американский образ жизни. Он подчеркивал: «Достаточно одной-двух вернувшихся назад семей и их рассказов о том, что жизнь в США «не столь прекрасна» и что Россия – это лучшая страна в мире, как освободительное движение в СССР будет остановлено» [8].

Постепенно в американском обществе начал складываться негативный образ советских иммигрантов 1960–1970-х гг. В свою очередь, сами иммигранты возмущались распространяемыми в США слухами о том, что под благовидным предлогом СССР забрасывает в США криминальных авторитетов. Например, в 1982 г. глава полиции Лос-Анджелеса Д. Гейтс заявлял, что в его ведомстве имелась информация о намерении руководства СССР использовать советских евреев, живших в США, для срыва Олимпиады 1984 г. В январе 1982 г. в полиции Лос-Анджелеса был составлен документ под названием «Советская эмигрантская мафия». Полицейские взяли под наблюдение около двадцати выходцев из СССР, подозреваемых в преступлениях против личности. В ответ на это местный раввин Я. Отт выступил со специальным заявлением (информация об этом появилась на страницах «Лос-Анджелес таймс»), где подчеркивал, что из этих двадцати человек только трое были евреями. Резкой критике подверг полицию Лос-Анджелеса и председатель Совета по делам советских евреев в Южной Каролине С. Фрумкин [38].

Впрочем, слухами о криминальных связях бывших советских граждан, переехавших в Америку, дело не ограничивалось. В американской прессе циркулировала информация о контактах недавних иммигрантов с советскими спецслужбами. На общем фоне стоит сослаться на статью Дж. Каммингса,

появившуюся в 1984 г. на страницах «Нью-Йорк таймс». Журналист рассказывал о разоблачении силами ФБР советских агентов Огородниковых, обосновавшихся в Америке за десять лет до этого как еврейские беженцы [11]. Такие материалы формировали негативный образ советских евреев, осевших в США, что весьма болезненно воспринималось новыми иммигрантами.

Таким образом, американская пресса не питала иллюзий по отношению к советским эмигрантам и тем более не видела в них людей, способных принести процветание своей новой стране. Она воспринимала их с осознанием неизбежности происходящего и с пониманием того, что США отныне берут на себя ответственность за их жизнь. Это не значит, что она ратовала за повседневную помощь своим новым гражданам, сама ответственность воспринималась с точки зрения обеспечения полных юридических прав вновь прибывшим эмигрантам. Это не в последнюю очередь определялось общими представлениями американцев о жизни, где каждый человек должен быть от рождения наделен необходимыми правами, но одновременно сам является кузнецом своего счастья. Одновременно следует признать, что эта логика восприятия действительности была не очень понятной советским эмигрантам, что рождало противоречия в их взаимодействии с новым для себя миром.

Заключение

Изучение того, как в американских СМИ освещалась тема еврейских эмигрантов 1960–1970-х гг., важно для понимания специфики американских медиа эпохи холодной войны. СМИ в любой стране оказываются под воздействием внешних и национальных политических реалий. В разные периоды эта зависимость информации от политического пространства вообще и системы властных приоритетов в частности может проявлять себя по-разному. Однако в любом случае данный фактор с неизбежностью влияет на качество массовой информации. Это стало реальностью и при восприятии информации, ставшей предметом нашего исследования в рамках предложенной статьи. Информация об еврейских эмигрантах из СССР различалась в зависимости от того, как реагировал на происходящее американский политический барометр. Соответственно, наряду с выдержанными по духу публикациями в американских СМИ появлялись те, что были излишне эмоциональны и подвержены сиюминутности момента.

Однако те же самые СМИ демонстрировали многомерность восприятия «эмигрантской темы». Разнообразие контента также обнаруживалось при использовании различных жанров в развитии этой темы: от традиционных хроникальных и расширенных заметок до корреспонденций, эссе и даже очерков, дававших описание конкретных людей с вкраплениями их прямой речи. Такое многообразие содержательных и жанровых подходов делало данную тему привлекательной для аудитории. Несмотря на то, что с тех пор уже прошло почти полвека, этот опыт остается актуальным и в наше время. Он учит тщательной работе с фактами, важности понимания сущности медийной инфор-

мации, необходимости поиска привлекающих к себе внимание героев. Все это остается важным условием эффективности современных СМИ.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002-ОГН/19, тип гранта а(м), «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Костырченко Г.* Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // *Еврейская эмиграция из России. 1881–2005*. М.: РОССПЭН, 2008. С. 202–219.
- [2] *Морозов Б.* Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим-М.: Гешарим, 2007. 550 с.
- [3] *Орлов Б.* Пути-дороги «римских пилигримов» // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 117–130.
- [4] *Фридгут Т.* Влияние иммигрантов из СССР/СНГ на израильскую идентичность // «Русское лицо Израиля: черты социального портрета. Иерусалим-Москва: Мосты культуры, 2007. С. 63–95.
- [5] *Albright J.* The pact of two Henrys // *The New York Times*. 1975. 5 January.
- [6] *Anderson R.* Jewish leader says stiffer Soviet rules cut emigration // *The New York Times*. 1980. 8 June.
- [7] *Appelbaum P.* *The Soviet Jewry Movement in the United States*. New York: Greenwood Press, 1986. 340 p.
- [8] *Azbel D.* Russian immigrants in the US (letters to the editor) // *The New York Times*. 1975. 4 January.
- [9] *Bennet L.* The homeless find help in a new land // *Los Angeles Times*. 1979. 25 June.
- [10] *Buwalda P.* *They Did Not Dwell Alone. Jewish Emigration from the Soviet Union. 1967–1990*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 297 p.
- [11] *Cummings J.* Coast case creates anxiety over spies among refugees // *The New York Times*. 1984. 20 October.
- [12] *Deacon D., Pickering M., Golding P., Murdock G.* *Researching Communication: A Practical Guide to Methods in Media and Cultural Analysis*. London: Arnold, 1999. 242 p.
- [13] *Drachman E.* *Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990*. New York: Paragon House, 1992. 543 p.
- [14] *Fisher D.* Soviet emigration cutback splits Jewish activists // *Los Angeles Times*. 1980. 18 May.
- [15] *Gargan E.* Soviet Jewish emigration declined sharply in 1980 // *The New York Times*. 1981. 4 January.
- [16] *Gartner L.* *History of the Jews in Modern Times*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 468 p.
- [17] *Gitelman Z., Glants M. and Goldman M.* *Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas; Jewish Life after the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2003. 264 p.
- [18] *Goldmann N.* The Hammer-and Sickle and Star of David // *The New York Times*. 1979. 8 January.

- [19] *Gwertzman B.* Emigration of Soviet Jews in March sets record: gesture to US seen // *The New York Times*. 1979. 4 April.
- [20] *Gwertzman B.* Linking US trade relations with the right to emigration // *The New York Times*. 1979. 6 April.
- [21] *Hofmann P.* Flow of Soviet refugees through Vienna increases // *The New York Times*. 1978. 23 July.
- [22] *Hofmann P.* Many Russian Jews «drop out» in Vienna // *The New York Times*. 1979. 12 August.
- [23] *Hofmann P.* Soviet Jews charge border harassment // *The New York Times*. 1977. 19 January.
- [24] *Horowitz J.* Music: Soviet émigrés play Mozart and Haydn // *The New York Times*. 1979. 16 July.
- [25] *Horowitz J.* The sound of Russian music in the West // *The New York Times*. 1978. 11 June.
- [26] *Freidman M., Chernin A.* *A Second Exodus. The American Movement to Free Soviet Jews.* Hanover, London: Brandeis University Press, 1999. 380 p.
- [27] *Johnston O.* Israel seeking to halt Soviet emigrant loss // *Los Angeles Times*. 1976. 9 November.
- [28] *Learsi R.* *Fulfillment – The Epic Story of Zionism: the Authoritative History of the Zionist Movement from the Earliest Days to the Present Time.* [N.p.]: Read Books, 2007. 400 p.
- [29] *Levin N.* *The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival. Vol. 2.* New York; London: New York University Press, 1988. 548 p.
- [30] *Low A.* *Soviet Jewry and Soviet Policy.* New York: Columbia University Press, 1990. 249 p.
- [31] *Macleane J.* US caught in Soviet-Israeli emigration snarl // *The Chicago Tribune*. 1982. 21 February.
- [32] *Morehouse W.* Soviet Jews stream to US; many wonder: will it last? // *Christian Science Monitor*. 1979. 26 April.
- [33] *Morozov B.* *Documents on Soviet Jewish Emigration.* London: Psychology Press, 1999.
- [34] *Oppenheim C.* Soviet expatriates find living in US different from a visit // *Chicago Tribune*. 1979. 13 September.
- [35] *Parisi A.* For Russian immigrant the Sky's still in limit // *The New York Times*. 1982. 25 July.
- [36] *Peri Y.* *Telepopulism.* Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. 384 p.
- [37] *Peterson I.* Soviet Jew who got out after 11 years tells how difficult it was // *The New York Times*. 1969. 6 December.
- [38] *Reich K.* Gates, Jews Make Peace on Emigrants // *Los Angeles Times*. 1982. 25 January.
- [39] *Rockwell J.* Ashkenazy puts precision over showmanship // *The New York Times*. 1978. 14 May.
- [40] *Rockwell J.* Rostropovich – «I feel like a native» // *The New York Times*. 1981. 18 January.
- [41] *Romano A.* *A Historic Atlas of Israel.* [N.p.]: The Rosen Publishing Group, 2003. 410 p.
- [42] *Rosenzweig R.* *The Economic Consequences of Zionism.* Cambridge: T Brill Academic Publishers, 1997. 310 p.
- [43] *Salitan L. R.* *Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968–1989.* London: St. Martin's Press, 1992. 180 p.
- [44] *Seeger M.* Parley on Soviet Jews ends on Upbeat // *Los Angeles Times*. 1976. 20 February.
- [45] *Shames L.* For many soviet artists in exile, these are lean times // *The New York Times*. 1982. 3 October.
- [46] *Shindler C.* Exit Visa. Détente, human rights and the Jewish emigration movement in the USSR. London: Bachman and Turner, 1978. 291 p.
- [47] *Schroeter L.* *The Last Exodus.* New York: Universe Book, 1974. 432 p.
- [48] *Shuster A.* US speeding entry of Soviet Jews in Italy // *The New York Times*. 1979. 30 January.
- [49] *Siegel B.* A Jew's plight: from Russia with fear // *Los Angeles Times*. 1977. 31 March.

- [50] *Stammer L.* Soviet Jews find L. A. frustrating, challenging // *Los Angeles Times*. 1981. 28 June.
- [51] *Stein L.* *The Hope Fulfilled: The Rise of Modern Israel*. New York: Greenwood Press, 2003. 288 p.
- [52] *Torgerson D.* Immigration patterns changing for Israelis // *Los Angeles Times*. 1976. 13 December.
- [53] *Yuenger J.* Conference on Soviet Jews ends; future looks cloudy // *The Chicago Tribune*. 1976. 22 February

REFERENCES

- [1] Kostyrchenko G. *Politika sovetskogo rukovodstva v otnoshenii evreiskoy emigratsii posle XX s'ezda KPSS [Soviet policy toward Jewish emigration after the XX Congress of CPSU](1956–1991) // Evreiskaya emigratsia is Rossii. 1881–2005*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).
- [2] Morozov B. *Evreiskaya emigratsia iz SSSR kak factor mezhdunarodnyh otnosheniy // 'Russkoe' litso Izrailia: cherty sotsialnogo portreta [Russian face of Israel: characteristics of social portrait]*. Ierusalim; Moscow: Gesharim Publ., 2007 (in Russian).
- [3] Orlov B. *Puti-dorogi rimskih pilgrimov [ways of Roman pilgrimes] // Vremya i My. 1977. № 14. P. 117–130* (in Russian).
- [4] Fridgut T. *Vliyanie immigrantov iz SSSR/SNG na izrail'skuyu identichnost' [Influence of USSR-CIS immigrants on Israeli identity] // Russkoye litso Izrailya: cherty sotsial'nogo portreta*. Iyerusalim; Moskva: Mosty kul'tury Publ., 2007 (in Russian).
- [5] Albright J. *The pact of two Henrys // The New York Times*, January 5, 1975.
- [6] Anderson R. *Jewish leader says stiffer Soviet rules cut emigration // The New York Times*, June 8, 1980.
- [7] Appelbaum P. *The Soviet Jewry movement in the United States*. New York: Greenwood Press Publ., 1986.
- [8] Azbel D. *Russian immigrants in the US (letters to the editor) // The New York Times*, January 4, 1975.
- [9] Bennet L. *The homeless find help in a new land // Los Angeles Times*, June 25, 1979.
- [10] Buwalda P. *They Did Not Dwell Alone. Jewish Emigration from the Soviet Union. 1967–1990*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 297 p.
- [11] Cummings J. *Coast case creates anxiety over spies among refugees // The New York Times*, October 20, 1984.
- [12] Deacon D., Pickering M., Golding P., Murdock G. *Researching Communication: A Practical Guide to Methods in Media and Cultural Analysis*. London: Arnold, 1999. 242 p.
- [13] Drachman, E. *Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990*. New York: Paragon House Publ., 1992.
- [14] Fisher D. *Soviet emigration cutback splits Jewish activists // Los Angeles Times*, May 18, 1980.
- [15] Gargan E. *Soviet Jewish emigration declined sharply in 1980 // The New York Times*, January 4, 1981.
- [16] Gartner L. *History of the Jews in Modern Times*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- [17] Gitelman, Z., Glants, M., and Goldman, M. *Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas; Jewish Life after the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2003.

- [18] Goldmann N. The Hammer-and Sickle and Star of David // *The New York Times*, January 8, 1979.
- [19] Gwertzman B. Emigration of Soviet Jews in March sets record: gesture to US seen // *The New York Times*, April 4, 1979.
- [20] Gwertzman B. Linking US trade relations with the right to emigration // *The New York Times*, April 6, 1979.
- [21] Hofmann P. Flow of Soviet refugees through Vienna increases // *The New York Times*, July 23, 1978.
- [22] Hofmann P. Many Russian Jews ‘drop out’ in Vienna // *The New York Times*, August 12, 1979.
- [23] Hofmann P. Soviet Jews charge border harassment // *The New York Times*, January 19, 1977.
- [24] Horowitz J. Music: Soviet émigrés play Mozart and Haydn // *The New York Times*, July 16, 1979.
- [25] Horowitz J. The sound of Russian music in the West // *The New York Times*, June 11, 1978.
- [26] Freidman M., Chernin, A. *A Second Exodus. The American Movement to Free Soviet Jews*. London: Brandeis University Press Publ., 1999.
- [27] Johnston O. Israel seeking to halt Soviet emigrant loss // *Los Angeles Times*, November 9, 1976.
- [28] Lears R. *Fulfillment – The Epic Story of Zionism: the Authoritative History of the Zionist Movement from the Earliest Days to the Present Time*. [N.p.]: Read Books Publ., 2007.
- [29] Levin N. *The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival*. New York; London: New York University Press, 1988.
- [30] Low A. *Soviet Jewry and Soviet Policy*. New York: Columbia University Press, 1990. 249 p.
- [31] Maclean J. *US caught in Soviet-Israeli emigration snarl* // *The Chicago Tribune*, February 21, 1982.
- [32] Morehouse W. *Soviet Jews stream to US; many wonder: will it last?* // *Christian Science Monitor*, April 26, 1979.
- [33] Morozov B. *Documents on Soviet Jewish Emigration*. Londone: Psychology Press, 1999.
- [34] Oppenheim C. *Soviet expatriates find living in US different from a visit* // *The Chicago Tribune*, September 13, 1979.
- [35] Parisi A. *For Russian immigrant the Sky’s still in limit* // *The New York Times*, July 25, 1982.
- [36] Peri Y. *Telepopulism*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004.
- [37] Peterson I. Soviet Jew who got out after 11 years tells how difficult it was // *The New York Times*, December 6, 1969.
- [38] Reich K. Gates, Jews make peace on emigrants // *Los Angeles Times*, January 25, 1982.
- [39] Rockwell J. Ashkenazy puts precision over showmanship // *The New York Times*, May 14, 1978.
- [40] Rockwell J. Rostropovich – ‘I feel like a native’ // *The New York Times*, January 18, 1981.
- [41] Romano A. *A aistoric atlas of Israel*. [N.p.]: The Rosen Publishing Group Publ., 2003.
- [42] Rosenzweig R. *The Economic Consequences of Zionism*. Cambrige: T Brill Academic Publishers, 1997.
- [43] Salitan L.R. *Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968–1989*. London: St. Martin’s Press, 1992.
- [44] Seeger M. Parley on Soviet Jews ends on Upbeat // *Los Angeles Times*, February 20, 1976.
- [45] Shames L. For many soviet artists in exile, these are lean times // *The New York Times*, October 3, 1982.
- [46] Shindler C. *Exit Visa. Détente, human rights and the Jewish emigration movement in the USSR*. London: Bachman and Turner Publ., 1978.
- [47] Schroeter L. *The Last Exodus*. New York: Universe Book Publ., 1974.
- [48] Shuster A. US speeding entry of Soviet Jews in Italy // *The New York Times*, January 30, 1979.

- [49] Siegel B. A Jew's plight: from Russia with fear // *Los Angeles Times*, March 31, 1977.
[50] Stammer L. Soviet Jews find L. A. frustrating, challenging // *Los Angeles Times*, June 28, 1981.
[51] Stein L. *The hope fulfilled: The rise of modern Israel*. New York: Greenwood Press, 2003.
[52] Torgerson D. Immigration patterns changing for Israelis // *Los Angeles Times*, December 13, 1976.
[53] Yuenger J. Conference on Soviet Jews ends; future looks cloudy // *The Chicago Tribune* (February 22, 1976).

Research article

Emigration of Jews from the Soviet Union in the 1960–1970s through the eyes of the American press

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira Ave., Yekaterinburg, 620003, Russia

Dmitry L. Strovsky

Ariel University
1 Kiryat Hamada, Ariel, 40700, Israel

The article analyzes the features of Soviet emigration and repatriation in the second half of the 1960s through the early 1970s, when for the first time after a long period of time, and as a result of political agreements between the USSR and the USA, hundreds of thousands of Soviet Jews were able to leave the Soviet Union for good and settle in the United States and Israel. Our attention is focused not only on the history of this issue and the overall political situation of that time, but mainly on the peculiarities of this issue coverage by the leading American printed media.

The reference to the media as the main empirical source of this study allows not only perceiving the topic of emigration and repatriation in more detail, but also seeing the regularities of the political 'face' of the American press of that time. This study enables us to expand the usual framework of knowledge of emigration against the background of its historical and cultural development in the 20th century.

Keywords: emigration, Soviet culture, 'refuseniks', American printed media, politicization of mass media

Информация об авторах / Information about the authors

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор Arielского Университета (Израиль). E-mail: dmitryst@ariel.ac.il, strovsky@mail.ru

Alexey V. Antoshin, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], professor at the Department of Oriental Studies of Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Dmitry L. Strovsky, PhD in Political Sciences, Professor at Ariel University (Israel). E-mail: dmitryst@ariel.ac.il, strovsky@mail.ru

Для цитирования / For citation

Антошин А.В., Стровский Д.Л. Эмиграция евреев из Советского Союза в 1960–1970-е гг. на страницах американской прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 2. С. 136–160. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-136-160>

Antoshin A., Strovsky D. Emigration of Jews from the Soviet Union in the 1960–1970s through the eyes of the American press // *Rudn Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 136–160. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-2-136-160>

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 22.04.2019